УДК 355/359
ББК 68
Р48

Под общей редакцией *А.В. Драбкина*

Авторский коллектив:
М.В. Фоменко, В.С. Карасев, А.В. Исаев, Ф.Б. Дроздов, В.В. Сидоров, Н.А. Смирнов, А.В. Волков, Д.В. Голубев, А.В. Пекарш

Р48 **Ржев** 42/43, От «Марса» до «Бюффеля». — Москва : Яуза-каталог, 2024. — 656 с. : ил.

ISBN 978-5-00155-692-3

Не успели отгреметь бои летнего советского наступления на Ржев, описание которых читатель может найти в предыдущей работе авторов «Ржев 1942. Первый летний успех», как командование Красной Армии начало планирование новой операции. Свое название, «Марс», она получила в развитие успешной операции «Венера», которую провели войска Калининского фронта в конце сентября 1942 года. Собранные для «Марса» силы позволяли надеяться на успех. 25 ноября 1942 года войска Калининского и Западного фронтов перешли в наступление. Несколько недель не стихали тяжелейшие бои, но ни одна из целей операции достигнута не была. Тем не менее, командование вермахта прекрасно отдавало себе отчет, что его войска, измотанные кровопролитным сражением, вряд ли выдержат еще одно советское наступление. В итоге было принято решение об эвакуации Ржевского выступа. Мартовское отступление 1943 года, известное как маневр «Бюффель», позволило врагу существенно сократить линию фронта, однако оно же полностью устранило угрозу столице советского государства Москве. Дальше немцы будут только отступать.

УДК 355/359
ББК 68

© Фонд сохранения исторической памяти «Я помню», 2024
© ООО «Яуза-каталог», 2024

ISBN 978-5-00155-692-3

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительное слово
Генерального директора
Музея Победы А. Я. Школьника VI

Благодарности VIII

ГЛАВА 1
ПАРАД ПЛАНЕТ.
ОПЕРАТИВНАЯ ОБСТАНОВКА НА СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКОМ
ФРОНТЕ В ПРЕДДВЕРИИ ОПЕРАЦИИ «МАРС» 1

ГЛАВА 2
ТЕСНЫЙ ПЛАЦДАРМ.
НАСТУПЛЕНИЕ ЗАПАДНОГО ФРОНТА 31

2.1. Логистика в огненном вихре.
Попытки расширения плацдарма на Вазузе
и проблемы его использования силами 20-й армии 31

2.2. Непроницаемая стена. Провал наступления 31-й армии 68

2.3. В цепях из пылающих деревень.
Немецкие опорные пункты на пути советских танков и пехоты 71

2.4. Растаявшие корпуса.
Судьба подвижной группы Западного фронта
на первом этапе операции 90

2.5. Предсказуемый удар.
20-я армия снова в атаке, 29-я вступает в бой 98

2.6. На подступах к Ржеву.
Наступление 30-й армии и его результаты 112

ГЛАВА 3
СРАЖЕНИЕ В БЕЛОЙ МГЛЕ.
НАСТУПЛЕНИЕ 41-й АРМИИ КАЛИНИНСКОГО ФРОНТА 129

3.1. Наперегонки со смертью.
Борьба за инициативу в районе Белого 129

3.1.1. Прорыв 136

3.1.2. Сражение в районе Белого 26 ноября – 7 декабря 145

3.1.3. Южный фланг. 26 ноября – 6 декабря 160

3.1.4 1-й мк в наступлении. 27 ноября – 6 декабря 173

3.2. В ледяных тисках.
Окружение подвижной группировки 41-й армии 181

3.2.1. Контрудар 9-й армии..... 181

3.2.2. Бои в окружении 7–15 декабря 185

3.2.3. Атаки 41-й армии, 8–15 декабря 197

3.2.4. Прорыв из окружения 204

ГЛАВА 4
РОБКИЕ НАДЕЖДЫ.
НАСТУПЛЕНИЕ 22-й И 39-й АРМИЙ КАЛИНИНСКОГО ФРОНТА 217

4.1. 39-я армия Калининского фронта в тени большого сражения 217

4.2. Тяжелый крест генерала Катукова.
Наступление 22-й армии и 3-го механизированного
корпуса в долине Лучесы 239

ГЛАВА 5
ПОПЫТКИ ОТКРЫТЬ «ВТОРОЕ ДЫХАНИЕ».
ВОЗОБНОВЛЕНИЕ СОВЕТСКОГО НАСТУПЛЕНИЯ 283

5.1. Когда от корпуса остается бригада.
Наступление 20-й, 29-й и 31-й армий Западного фронта 283

5.2. В краю «волков» и «медуз». Новое наступление 30-й армии 320

5.3. Те же и там же.
Боевые действия в полосе наступления Калининского фронта 324

ГЛАВА 6
«ЕЩЁ ОДНА ТАКАЯ ПОБЕДА, И...»
ПОДГОТОВКА ОПЕРАЦИИ «БЮФФЕЛЬ» 348

6.1. После драки кулаками машут.
Боевые действия в период оперативной паузы
в январе-феврале 1943 года 348

6.2. Время паковать чемоданы.
Решение об отходе 9-й и 4-й армий
на новый рубеж обороны 366

6.3. Выжженная земля.
Уничтожение гражданского населения
и инфраструктуры региона 374

6.4. Буйвол бьет копытом.
Завершающий этап подготовки операции 384

ГЛАВА 7
В ПОГОНЕ ЗА БУЙВОЛОМ.
ОТСТУПЛЕНИЕ 9-й И 4-й АРМИЙ ВЕРМАХТА
НА НОВЫЕ ПОЗИЦИИ 393

7.1. Долго запрягаем.
Наступательные планы командования Красной Армии
и организация преследования противника советскими войсками 393

7.2. Сквозь минные поля.
Наступление Калининского фронта 404

7.3. Трудное возвращение. Освобождение Ржева
и преследование войск 9-й армии вермахта в полосе
наступления Западного фронта 419

7.4. Тяга к перемене мест.
Отступление 4-й армии и ее преследование 453

ГЛАВА 8
БОРЬБА ЗА УМЫ И СЕРДЦА.
ПРОПАГАНДА ПРОТИВОБОРСТВУЮЩИХ
СТОРОН В РЖЕВСКОМ ВЫСТУПЕ 476

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ СРАЖЕНИЯ
В РАЙОНЕ РЖЕВА. УРОКИ И ИТОГИ 513

ПРИЛОЖЕНИЕ 1 530

ПРИЛОЖЕНИЕ 2 602

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ 620

Алфавитный указатель 625

Вступительное слово Генерального директора Музея Победы А. Я. Школьника

В России всегда особое внимание уделялось сохранению исторической памяти и бережному отношению к ней. Нашему государству приходилось переживать тяжелые испытания и страшные потери, мы хорошо помним уроки Великой Отечественной и других войн и всегда будем чтить подвиг солдат и офицеров, защищавших Родину.

В 2020 году В. В. Путин в своей статье писал: *«Только в ходе боев за город Ржев и Ржевский выступ с октября 1941 года по март 1943 года Красная армия потеряла, включая ранеными и пропавшими без вести, 1 миллион 342 тысячи 888 человек. Называю эти, собранные по архивным источникам страшные, трагические, еще далеко не полные цифры...»*

На Ржевской земле Красная армия приняла на себя удар и остановила гитлеровскую военную машину, вновь прорывавшуюся к Москве. Мы все в неоплатном долгу перед каждым советским солдатом, защищавшим нашу страну от нацизма. В честь героев-освободителей был воздвигнут Ржевский мемориал, их подвиг увековечен. Музей Победы восстанавливает историческую справедливость, поименно рассказывая о тех, кто на фронте и в тылу с честью выполнял свой долг.

Документы и сведения о военных операциях Красной Армии представляют достоверную картину сражений с нацистами во время Великой Отечественной войны, они связывают воедино прошлое, настоящее и будущее. Сегодня, когда мир столкнулся с новыми вызовами, а наша страна ведёт ожесточённую борьбу с внешним противником, пристальное изучение истории Великой Отечественной войны имеет особую актуальность для всех, кто отстаивает историческую справедливость.

При поддержке Музея Победы коллектив авторов поставил перед собой амбициозные цели — описать и проанализировать сражения, проходившие на Ржевской дуге в 1941–1943 гг., в которых приняли участие миллионы человек с обеих сторон. Для понимания сложности задачи

достаточно отметить, что площадь Ржевского выступа сравнима с площадью такой страны как Бельгия. В конечном итоге эта работа позволит не только уточнить размеры потерь и перестать использовать выражение «еще далеко не полные цифры», но и расскажет о героизме наших предков, о том, как, несмотря на трудности, страна монолитным фронтом шла к Победе.

Поступательное движение в сторону ликвидации «белых пятен» в общероссийской военной истории, в том числе на примере конкретных героев и исследуемых сражений, является важным элементом создания системы ценностей единой гражданской нации, обеспечивающей культурную идентичность россиян в сложном и многогранном современном мире.

Перед вами вторая часть проекта (первая часть «Ржев 1942. Первый летний успех» описывала сражения июля–сентября 1942 года). Этот труд рассказывает о наступательной операции советских войск «Марс», проходившей в конце 1942 года, и немецкой операции «Бюффель» по эвакуации Ржевского выступа. Книга объемом около миллиона знаков снабжена почти сотней карт. Она будет интересна самому широкому кругу читателей, которые смогут разобраться, что происходило 80 лет назад на полях сражений Великой Отечественной войны.

Генеральный директор
Музея Победы
Школьник А. Я.

Благодарности

Авторский коллектив выражает благодарность Андрею Резяпкину, Екатерине Зориной, Николаю Мигалю, Ольге Генкиной, проделавшим важную работу по подготовке документов и данных для публикации. Мы благодарим сотрудников Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации и лично В. А. Ланшакова за помощь в работе с документами. Большую организационную и материальную помощь исследовательской группе оказал Центральный музей Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Музей Победы и его генеральный директор А. Я. Школьник.

Значительную финансовую поддержку проекту оказали: Альбрехт Владимир, Баринов Никита, Батовский Сергей, Вакулев Олег, Гвоздев Дмитрий, Кориков Андрей, Кулабухов Валерий, Левичев Александр, Никулин Сергей, Осташев Алексей, Рахимов Ильгиз, Рыбкин Павел, Рябоволик Борис, Сидоров Юрий, Старовойтов Илья, Степанов Александр, Чертков Константин, Чугунов Михаил, Шепов Борис, Шошин Евгений. Проект также был поддержан Президентским фондом культурных инициатив.

ГЛАВА 1
ПАРАД ПЛАНЕТ. ОПЕРАТИВНАЯ ОБСТАНОВКА НА СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКОМ ФРОНТЕ В ПРЕДДВЕРИИ ОПЕРАЦИИ «МАРС»

Стратегическая обстановка на советско-германском фронте ранней осенью 1942 года характеризовалась положением неустойчивого равновесия. С одной стороны, вермахт не сумел выполнить многие задачи на летнюю кампанию, в число которых входили захват нефтяных месторождений Кавказа, взятие Ленинграда и формирование фронта обороны на Дону. Однако достигнутые в результате реализации плана «Блау» (нем. Blau — «синий») военно-экономические результаты создавали предпосылки для эксплуатации нефтяных месторождений Майкопа, которые могли обеспечить добычу около 1 млн тонн нефти в год — этого было достаточно для стабилизации топливного баланса Третьего рейха. Кроме того, перехват советских коммуникаций на Волге и Кавказе существенно осложнял доставку сырой нефти из Закавказья на перерабатывающие предприятия уже для СССР.

Если смотреть на ситуацию с военной точки зрения, то фронт и коммуникации вермахта в южном секторе советско-германского фронта были растянуты, что создавало опасность кризиса в ходе будущей зимней кампании. На западном направлении немецкая армия отразила летнее советское наступление под Ржевом, но одновременно потерпела неудачу в реализации собственных наступательных планов в Сухиничском выступе — здесь группа армий «Центр» не смогла нанести

крупное поражение войскам ЗапФ. На северо-западе, под Ленинградом, неудачное советское наступление с целью прорыва блокады города сорвало немецкие планы по отрезанию города от Ладожского озера.

Для советского командования после поражений в Крыму, под Харьковом, Ленинградом и на Дону обстановка оставалась критической. Несмотря на значительное вливание людских и материальных резервов, переломить в свою пользу ситуацию на всех трех стратегических направлениях (северо-западном, западном и юго-западном) не удалось. Упомянутая потеря Волги как важнейшей транспортной артерии добавляла к угольному кризису, сложившемуся после потери Донбасса, еще и нефтяной. Оккупация противником европейской части страны, где до войны проживало около 45 % населения, создавала серьезные проблемы с комплектованием КА личным составом.

Перечисленные проблемы заставляли руководство страны искать решения, позволяющие избежать дальнейшего ухудшения положения, а затем переломить оперативную и стратегическую ситуацию в свою пользу и вернуть потерянные территории и ресурсы. Насколько можно судить по имеющимся в распоряжении историков данным, в предстоящей зимней кампании 11 из 12 фронтов действующей армии так или иначе получали наступательные задачи. Исключительно оборонительные задачи ставились лишь войскам КарФ.

Вместе с тем, какого-либо единого документа Ставки ВГК или Генерального штаба КА, определяющего план осенне-зимней кампании 1942–1943 гг., не существовало. Решение, которое выглядело как каскад наступательных операций, начинающихся ударами под Ржевом и Сталинградом, появилось у руководства страны к концу сентября — началу октября 1942 года. Если операция «Уран» под Сталинградом получила впоследствии широкую известность, то остальные так или иначе остались в тени триумфа разгрома врага на Волге.

Такая незавидная судьба постигла и действия войск ЗапФ и КалФ, которым предписывалось 21–23 октября провести наступательную операцию «Марс» с целью разгрома 9-й полевой и 3-й танковой армий вермахта в районе Ржева, Сычевки и Оленина. В случае успеха к наступлению должны были присоединиться соседние фронты. Так, штаб СЗФ подготовил к 13–17 октября план наступления с целью *«разобщения демянской*

и старо-русской группировок противника»[1]. За столь витиеватой формулировкой скрывалась операция по полному окружению и прерыванию коммуникаций полуокруженной 100-тысячной немецкой группировки под Демянском. В декабре 1942 года предполагалось уже не просто ликвидировать Демянский выступ, но рассечь и разгромить оборонявшиеся на этом направлении войска 16-й армии вермахта. В январе 1943 года войска ЛенФ и ВолхФ должны были провести совместную операцию по прорыву блокады Ленинграда. Уже на этапе планирования войска получили куда более амбициозную задачу по разгрому немецкой 18-й армии.

На центральном направлении при постановке войскам БрянФ и ВорФ оборонительных задач делалась оговорка о подготовке к наступлению: *«как только для этого создадутся благоприятные условия»*[2]. Для ВорФ таким условием становилось начало операции «Сатурн», после которого его войскам предписывалось нанести удар в направлении Ростова-на-Дону.

Командование вермахта в целом определилось с планами на зимнюю кампанию также на рубеже сентября–октября, составив оперативный приказ № 1 от 14 октября 1942 года о переходе к стратегической обороне, который подписал Гитлер. В нем говорилось: *«Нам предстоит провести зимнюю кампанию. Задачей Восточного фронта в ней является — за исключением еще продолжающихся или намечаемых наступательных операций — во что бы то ни стало удерживать достигнутые рубежи, отражать всякие попытки со стороны противника прорвать их и тем самым создать предпосылки для продолжения нашего наступления в 1943 году в целях окончательного уничтожения нашего опаснейшего врага»*[3].

Как можно заметить, сам по себе переход к стратегической обороне не означал отказа от наступательных операций частного характера. Одним из основных тезисов оперативного приказа № 1 являлось предположение о снижении возможностей КА: *«Сами русские в ходе последних боев были серьезно ослаблены и не смогут зимой 1942–1943 гг. располагать такими же большими силами, какие имелись у них в прошлую зиму»*[4].

Действительно, повторить мероприятия по формированию новых соединений, подобные проведенным в рамках «перманентной мобилизации» лета 1941 — зимы 1942 гг., СССР не мог — на это не хватало ни людских, ни материальных ресурсов. Формирование новых соединений,

по существу, свернули еще в марте 1942 года. Речь могла идти только о перераспределении ресурсов, объединении бригад в дивизии. Однако об истощении речи, разумеется, еще не было: на 1 ноября 1942 года КА насчитывала 10 847 131 человека, в том числе 6 304 157 человек — в действующей армии. На этом уровне численность советских вооруженных сил удерживалась большую часть войны.

Вместе с тем, не следует думать, что командование вермахта недооценивало своего противника. В группу армий «Центр» в октябре-ноябре 1942 года была отправлена большая часть стратегических резервов — 16 дивизий, или 60 % от общего числа прибывших на советско-германский фронт. В немалой степени такое распределение объясняется имевшимися в распоряжении немецкого командования разведывательными данными. По оценке разведки, а точнее, Восточного отдела иностранных армий Верховного командования сухопутных войск (нем. OKH/FHO — Fremde Heere Ost der Oberkommando des Heeres), в зимней кампании КА должна была сосредоточить основные усилия на центральном участке советско-германского фронта.

В своем докладе от 6 ноября 1942 года начальник OKH/FHO полковник Райнхард Гелен указывал: *«Главное направление будущих русских операций против немецкого Восточного фронта все отчетливее вырисовывается в полосе группы армий „Центр“. Однако еще не ясно, намереваются ли русские наряду с этим провести крупную операцию на Дону... Район Смоленска следует рассматривать как первую цель решающей операции против группы армий „Центр“. По удаленности эта цель вполне соответствует тем возможностям и способностям, которыми располагает русское командование»*[5].

Нельзя не отметить, что специалисты OKH/FHO довольно реалистично оценивали возможности советских механизированных соединений, существенно увеличившиеся с начала 1942 года, однако действительные масштабы роста танковых войск КА немцы все же не представляли.

Частично оценка участка группы армий «Центр» как главного объекта наступательных операций КА объяснялась опасениями, что прорыв здесь может открыть соединениям КА дорогу в тыл группы армий «Север». Полковник Гелен подчеркивал, что после разгрома немецких войск на центральном участке фронта у КА появится возможность *«исполь-*

зовать успех путем продолжения операции на запад, в прибалтийские страны, чтобы отрезать немецкие силы северного крыла»[6].

Эти опасения, как сегодня можно судить по плану наступления войск СЗФ под Демянском, не были безосновательными. Начальник Военной академии им. М. В. Фрунзе генерал армии А. И. Радзиевский в изданном в 1977 году закрытом учебнике цитировал трофейное донесение 9-й армии: *«Русское наступление в районе Торопца, очевидно, выльется в крупное зимнее наступление, направленное против запада или Смоленска. Это наступление начнется с морозами — скорее всего, в начале или в середине ноября»*[7].

В отечественной историографии операциям на ржевском направлении во второй половине 1942 года отводилась сугубо вспомогательная роль — они позиционировались как отвлекающие и обеспечивающие. В частности, в работе историка С. Н. Михалева утверждалось: *«В порядке стратегического обеспечения главной операции зимней кампании вновь, как и летом 1942 года, была подготовлена и проведена наступательная операция частью сил Калининского и Западного фронтов против ржевско-вяземского выступа (2-я Ржевско-Сычевская — по плану „Марс“, 25 ноября — 20 декабря 1942 года)»*[8]. Точно так же, в упомянутой работе А. И. Радзиевского утверждалось, что от участников операции «Марс» требовалось *«сковать резервы противника, не допустив их переброски под Сталинград»*[9]. Более подробный анализ историографии будет приведен ниже, здесь же целесообразно остановиться на разборе основного тезиса о сковывающем характере действий как таковом.

Прежде всего, следует сказать — сам тезис о «сковывании противника» в заведомо неудачных, или, если приводить более мягкую формулировку, «не нацеленных на решительный результат» операциях представляется эвфемизмом, подменившим термин «неудачная операция». Как показали операции 1944 года, лучшим способом поглощения резервов противника являются успешные действия, приводящие к обвалу фронта, а также окружению крупных группировок вражеских войск. В реалиях Второй мировой войны целью сковывания являлись подвижные соединения, способные как быстро нейтрализовать прорывы фронта, так и организовать их сами. Разобщенные действия советских ударных группировок, предусмотренные планом операции «Марс», не способствовали

сковыванию подвижных резервов противника. Удары по вражеской обороне поглощались пехотными дивизиями вермахта, а сковать немецкие механизированные соединения можно было, только прорвав фронт и заставив вражеское командование перебрасывать для купирования угрозы танки и мотопехоту. В условиях боев в вязкой обороне немецких пехотных соединений это было невозможно.

Напротив, достижение местного, но решительного успеха путем концентрации усилий на узком участке фронта, — к примеру, окружения армейского корпуса немцев, — несомненно, потребовало бы от командования группы армий «Центр» привлечения значительных сил для парирования угрозы, в том числе для организации деблокирующего удара. Хорошим примером такой операции является наступление под Великими Луками, когда окруженный пехотный гарнизон командование вермахта пыталось деблокировать с привлечением подвижных соединений.

Упомянутый выше А. И. Радзиевский на этот счет высказывался следующим образом: «*Такой способ сковывания* [удар на широком фронте. — *Прим. авт.*] *менее эффективен, чем нанесение решительного поражения с созданием реальной угрозы важному пункту оперативной обороны врага*»[10]. Это можно интерпретировать и в обратную сторону: раз сковывание на широком фронте менее эффективно, то вряд ли командование преднамеренно избрало такой образ действий, и перед нами не сковывание, а неудачно проработанная наступательная операция с решительными целями. Имеет смысл говорить об объективном значении операции, которая могла не достичь изначально поставленных целей, но добиться сковывания резервов противника. Представлять же достигнутый результат как изначально заложенную цель представляется большой ошибкой с точки зрения историка — во всяком случае, без четких отсылок к подобным задачам, сформулированным прямым текстом в соответствующих документах Ставки ВГК.

Не подтверждают тезис о сковывающей операции и имеющиеся данные о распределении ресурсов Главного организационно-мобилизационного управления Генштаба КА. Так, в октябре 1942 года ЮЗФ, ДонФ и СталФ, участвовавшие в операции «Уран», получили из резерва Ставки в сумме 753 танка, или 37 % выделенных всем фронтам за месяц. За то же время КалФ и ЗапФ получили 780 танков, или более 38 %[11]. В ноябре

соединениям ЮЗФ, ДонФ и СталФ поставили 1499 боевых машин, или около 52 % от общего количества, в то время как КалФ и ЗапФ выделили 518 танков, или всего 18 %[12]. Здесь виден явный приоритет поставок бронетехники фронтам, участвующим в успешной операции по окружению сталинградской группировки противника, что отражает маневренный характер боевых действий на этом направлении.

Любопытно также сравнить распределение маршевых пополнений за октябрь и ноябрь 1942 года. По данным Главного управления формирования КА, из 330 000 человек, отправленных за два месяца, войска КалФ, ЗапФ и БрянФ получили в сумме 102 351 человека, а ВорФ, ЮЗФ и СталФ — 105 211 человек[13], т. е. практически столько же. Концентрация ресурсов на операции «Уран» с перспективой последующего «Сатурна» в ущерб «Марсу» не просматривается.

Также следует учитывать территориальное распределение резервов Ставки ВГК. В районе Вологды, Калинина, Калуги и Сталиногорска, юго-западнее Пензы и южнее Саратова располагались пять резервных общевойсковых и одна танковая армия, что позволяло нарастить наметившийся успех — прежде всего, за счет танков.

Если посмотреть на распределение соединений по всему советско-германскому фронту, то можно увидеть, что к середине ноября 1942 года на участке от Холма до Болхова (московское направление) протяженностью около 1050 км было собрано порядка 30 % стрелковых и кавалерийских соединений КА, а также 30 % танковых и механизированных корпусов. От Болхова до Новой Калитвы на участке протяженностью 550 км находились еще около 10 % стрелковых и кавалерийских соединений, а также 10 % танковых и механизированных корпусов. От Новой Калитвы до района западнее Астрахани протяженностью 850 км действовали около 20 % стрелковых и кавалерийских соединений, а также 60 % танковых и механизированных корпусов[14]. На 1 мая 1942 года на участке от Холма до Орла протяженностью около 1550 км — это примерно соответствовало московскому и воронежскому направлениям — было собрано около 36 % стрелковых и кавалерийских соединений и 36 % танковых бригад. Осенью же по сравнению с весной и началом лета командование сконцентрировало большую часть механизированных соединений в южном секторе фронта, в районе Сталин-

града. Это в целом отвечало идее ведения здесь войны маневренного характера.

Перечисленные факты свидетельствуют о том, что в конце осени 1942 года командование КА по-прежнему искало решение стратегических задач на центральном участке фронта, не оставляя без внимания юго-западное направление как одну из наиболее очевидных альтернатив.

Начало работы над планом наступательной операции, впоследствии получившей название «Марс», относится к завершающему периоду летнего наступления под Ржевом. В результате этих боев сформировался Ржевский выступ, конфигурация которого сохранялась с октября 1942 по март 1943 года. Войска ЗапФ и КалФ оказались на восточном и западном фасах выступа соответственно, а разграничительная линия между фронтами делила его на две примерно равные части. В сентябре 1942 года командование ЗапФ предприняло последнюю попытку захватить Ржев, но, несмотря на выход на его окраины и даже захват нескольких кварталов, овладеть городом тогда не удалось.

Советское командование расценивало упорную оборону противником Ржева как стремление удержать перспективный плацдарм на северном берегу Волги — такой трамплин, по площади равный Бельгии, мог пригодиться группе армий «Центр» для возобновления наступления на Москву и Калинин. Это побуждало командование КА работать над планами его ликвидации.

30 сентября командующий 30-й армией ЗапФ генерал-майор В. Я. Колпакчи приказал своим частям перейти к обороне, что завершило летнее наступление на Ржев, а уже в ночь на 1 октября командующий фронтом генерал-полковник И. С. Конев подписал приказ, в котором обозначил состав сил на новую наступательную операцию по уничтожению ржевско-сычевской группировки противника. Тогда же операция получила и кодовое наименование: завершался приказ словами *«Командармам план операции „Марс“ представить к 5 октября»*[15]. При этом само название «Марс» было вписано отдельно, уже в готовый документ — возможно, на продолжение серии «планетных» названий Ставку вдохновил успех операции «Венера» по уничтожению противника на Коростелевском плацдарме севернее Ржева.

Поскольку после оставления немцами левого берега Волги их оборона непосредственно под Ржевом уплотнилась, наиболее логичным следующим ходом советского командования стал поиск другого участка фронта для прорыва и выхода в тыл ржевской группировке противника. Выбор пал на участок 20-й армии генерал-майора Н. И. Кирюхина. В летних боях она сумела сбить немцев с позиций и нанести им существенный урон. Одновременно было решено не распылять силы между несколькими направлениями и сконцентрировать их южнее Ржева, на правом крыле ЗапФ. Ударная группировка 20-й армии состояла из семи стрелковых дивизий и двух бригад, девяти артиллерийских полков РГК, 16 дивизионов гвардейских минометов. В 31-й армии генерал-майора В. С. Поленова были задействованы четыре стрелковых дивизии, две танковые бригады, семь артиллерийских полков РГК и шесть дивизионов гвардейских минометов. В качестве эшелона развития успеха фронтового подчинения предполагалось использовать подвижную группу в составе 6-го тк генерал-майора А. Л. Гетмана и 2-го гв.кк генерал-майора В. В. Крюкова[16]. Приготовления к наступлению требовалось закончить к 12 октября.

К элементам планирования операции «Марс» также можно отнести разработку штаба 33-й армии ЗапФ генерал-лейтенанта М. С. Хозина от 19 сентября 1942 года. Она предполагала частную операцию на гжатском направлении против немецкой группировки, угрожающе нависавшей над войсками центра ЗапФ с плацдарма на реке Воре[17]. В качестве эшелона развития успеха здесь предполагалось задействовать 5-й тк генерал-майора К. А. Семенченко. Также командующий армией подготовил более масштабные *«предложения по организации разгрома вязьма-гжатской группировки противника»* с привлечением трех армий[18].

По первоначальному амбициозному замыслу операции «Марс» в полосе КалФ предполагалось наступление с привлечением свежесформированных подвижных соединений нового поколения — механизированных корпусов. Если вернуться к сравнению наряда сил, задействованных в операциях «Марс» и «Уран», то обращает на себя внимание схожесть структур ударных групп. В операции КалФ и ЗапФ должны были принять участие три механизированных и два танковых корпуса, в «Уране» — два механизированных и четыре танковых корпуса.

Кроме того, в КалФ из резерва Ставки передали управление 43-й армии, которое в тот момент возглавлял генерал-лейтенант К. Д. Голубев. Ранее оно подчинялось командующему ЗапФ, но оставлять на пассивном участке штаб с компетентным и находившимся на хорошем счету командующим было нецелесообразно.

Сообразно сконцентрированным на КалФ управленческим ресурсам предполагалось нанесение ударов силами 43-й и 41-й армий, усиленных механизированным корпусом каждая, на Смоленск и Ярцево соответственно. Осью наступления 41-й армии генерал-майора Г. Ф. Тарасова должно было стать шоссе Белый — Духовщина — Ярцево, а 43-й армии предстояло атаковать вдоль недостроенной железной дороги Ломоносово — Смоленск. План предусматривал выход 2-го мк 43-й армии в район Смоленска и перехват 1-м мк 41-й армии магистрали Москва — Минск в районе Ярцева уже на третий день операции[19,20].

В развитие операции усилия 41-й и 43-й армий должны были подкрепляться наступлением в районе города Белый войск 22-й армии генерал-лейтенанта В. А. Юшкевича, также имевшей в своем составе крупное подвижное соединение — 3-й мк генерал-майора М. Е. Катукова. На третий день операции 3-й мк должен был выйти в район узла дорог в районе поселка Холм-Жирковский к северо-западу от Вязьмы[21].

Парадокс планирования операции в районе Ржева осенью 1942 года заключался в том, что никто не собирался ударами в основание Ржевского выступа срезать его с последующим окружением заполняющих его немецких войск. В этом проявилось кардинальное отличие операций советских войск в центре и на юго-западном участке советско-германского фронта. В плане операции «Уран» четко просматриваются удары механизированных соединений, направленные на смыкание кольца, образование внешнего и внутреннего фронта окружения, и последующее дробление «котла».

В плане операции «Марс» подобные действия не предусматривались, при этом четко видно стремление выйти на основные коммуникации противника и перехватить их. Это касается как железнодорожной магистрали Ржев — Сычевка — Вязьма, так и трассы Москва — Минск. По своему замыслу «Марс» ближе всего стоит к советскому контрнаступлению под Москвой зимой 1941–1942 гг., когда вытянувшиеся к советской столи-

це немецкие группировки командование КА пыталось дробить на части множеством сравнительно малых ударов. Очевидно, предполагалось, что с прерыванием основных линий снабжения немецкая группировка начнет стремительно распадаться и отступать — именно отступать, поскольку никаких мер по воспрещению отхода противника и его окружению план не содержал.

Вместе с тем, план наступления с акцентом в сторону воздействия на коммуникации противника, разумеется, имел право на существование. Более того, со стороны противника также планировалась операция, нацеленная на узел дорог, с четко обозначенной целью нарушения его функционирования, о чем будет рассказано далее.

Объединение усилий ударных группировок фронтов в плане операции «Марс» выглядит как сугубо вспомогательная задача. Еще в октябре, на ранних стадиях планирования, задача установления связи с войсками КалФ, наступавшими с западного фаса Ржевского выступа, ставилась только одной из дивизий 2-го гв.кк. Главные силы кавалерийского корпуса после прорыва фронта войсками 20-й армии должны были наступать на север, в тыл ржевской группировке немцев, а 6-й тк должен был нанести удар на Сычевку с задачей не допустить подхода к ней вражеских резервов с юга[22].

В окончательном варианте плана задачу прикрытия фланга наступления ударом в район Сычевки возложили на 8-й гв.ск генерал-майора Ф. Д. Захарова при поддержке трех танковых бригад. Прорыв фронта для ввода в него подвижной группы планировалось осуществить силами 20-й армии и смежными с ней левофланговыми дивизиями 31-й армии. В случае успешного продвижения группы генерала Крюкова правый фланг 31-й армии должен был нанести удар через Ржев навстречу танкистам и кавалеристам. Это было типичное для операции «Марс» решение, когда окружение сравнительно небольшой группы вражеских войск должно было осуществляться ударами двух смежных армий, одна из которых получала в качестве средства развития успеха танковый или механизированный корпус.

Однако в реализацию замыслов советского командования вмешалась погода. Хлынувшие в середине октября ливни вынудили отложить наступление, особенно ввиду негативного опыта августовских боев под

проливным дождем. Вынужденная пауза позволила накопить силы и вернуться к плану наступления против Гжатска, но с измененным относительно предложений генерал-лейтенанта Хозина нарядом сил[23].

Теперь наступление предполагалось провести силами 5-й и 33-й армий. В этой паре подвижной была 5-я армия генерал-лейтенанта И. И. Федюнинского, которой придавался 5-й тк. Помимо него, для наступления в армии выделялись семь стрелковых дивизий и три танковые бригады. После прорыва фронта 5-й тк должен был выйти к Гжатску. Сосед 5-й армии справа, 33-я армия, должна была наносить основной удар пятью стрелковыми дивизиями и двумя танковыми бригадами, а вспомогательный — 7-м гв.ск полковника Н. Л. Солдатова при поддержке 256-й тбр. Обе ударные группировки должны были выйти к селу Туманово, расположенному на железнодорожной ветке Гжатск — Вязьма.

В окончательном варианте переход в наступление 5-й и 33-й армий планировался на 1 декабря — то есть, пять дней спустя после перехода в наступление основных сил 20-й армии. Следует лишний раз отметить, что этот удар также не предусматривал установление связи с войсками КалФ.

Здесь самое время оценить наряд сил на намеченную операцию. Боевая численность войск КалФ и ЗапФ составляла 552 714 и 769 436 человек соответственно, или всего 1 322 150 человек. Однако безоговорочно использовать эти числа было бы некорректно, т. к. к операции «Марс» войска обоих фронтов привлекались далеко не в полном составе — точно так же, как не вся группа армий «Центр» отражала советское наступление. Если просуммировать численность советских войск по периметру Ржевского выступа, так или иначе привлекавшихся к операции «Марс» (в том числе на ранних стадиях ее планирования), то на 20 ноября 1942 года она составляла около 750 000 человек и более 1700 танков (см. таблицу 1).

Из перечисленных армий 5-я и 33-я не вели наступательных действий в конце ноября и декабре, но, как уже говорилось, получили наступательные задачи в рамках операции «Марс». 19 ноября, за неделю до начала наступления, в войска двух армий поступила директива штаба ЗапФ, предписывающая разгромить гжатскую группировку противника. Намеченное наступление 5-й и 33-й армий не состоялось только вследствие неудачи первого этапа «Марса», поэтому исключать их из наряда

Таблица 1

Численность советских войск ЗапФ и КалФ, привлекавшихся к операции «Марс»*

Объединение	Живая сила	Танки
5-я армия	71 249	73
20-я армия	95 602	301
22-я армия	70 275	272
29-я армия	54 073	93
30-я армия	50 199	63
31-я армия	74 158	90
33-я армия	78 490	196
39-я армия	92 135	227
41-я армия	116 743	300
43-я армия	43 569	94
Итого	746 493	1709

* Боевой и численный состав Вооруженных Сил СССР в период Великой Отечественной войны. Статистический сборник № 5 (20 ноября 1942 года). — М.: Институт военной истории, 1997. — С. 72, 79.

сил на операцию было бы неправомерно. 43-я армия КалФ привлекалась к операции на ранних этапах планирования, и оказалась исключена под влиянием обстоятельств. При этом к 20 ноября ее состав уменьшился в сравнении с потенциально возможным в случае сохранения замысла, так как она стала донором ударных группировок КалФ.

В то же время принимавшие участие в операции «Уран» под Сталинградом армии ЮЗФ, ДонФ и СталФ насчитывали в своем составе 331 948, 192 193 и 258 317 человек соответственно, а всего 782 458 человек. Если же просуммировать их боевую численность — без учета армейских запасных частей, частей боевого обеспечения, тыловых частей и учреждений, резерва офицерского состава — то получится 667 478 человек при 1318 танках[24]. В итоге, даже строгие подсчеты говорят о меньших силах, задействованных под Сталинградом, нежели под Ржевом.

Существенное изменение в план операции «Марс» было внесено во второй половине октября под влиянием данных разведки. При этом обе стороны перебрасывали свои войска, реагируя на информацию о про-

тивнике, что влекло за собой новые перемещения. Немецкий историк Курт фон Типпельскирх писал об этом следующим образом: *«В середине октября немецкая воздушная разведка обнаружила, что между городами Торопец и Калинин сосредоточиваются крупные силы русских»*[25]. Реакцией на это стала переброска резервов из района Ленинграда. 25 октября в штаб-квартире Гитлера командующий 11-й армией генерал-фельдмаршал Эрих фон Манштейн получил новую задачу: *«Во время моего приезда в Винницу Гитлер сказал мне, что штаб 11-й армии, вероятно, будет переведен в состав группы армий „Центр" в район Витебска, где имелись признаки предстоявшего в ближайшее время крупного наступления противника. Мы должны были при возможности ответить наступающему противнику контрнаступлением»*[26].

Штаб 11-й армии вместе с управлением XXX армейского корпуса генерала артиллерии Максимилиана Фреттера-Пико перебазировался в район Великих Лук, где сосредотачивались соединения групп армий «Север» и «Центр». Эти войска под командованием Манштейна получили задачу, сформулированную следующим образом: *«В случае русской атаки против левого фланга группы армий «Центр» 11-я армия атакует главными силами из района Великих Лук и вспомогательной группой из района Холма в общем направлении на Торопец с целью занятия Торопца и разрыва важнейшей линии снабжения Красной Армии»*[27]. Примечательно, что в разрез со своей склонностью к операциям на окружение, немецкое командование так же планировало удар на перехват линии снабжения — схожие географические условия порождали у обоих противников схожие решения.

Операция получила кодовое наименование «Таубеншлаг» (нем. Taubenschlag — «голубятня»). Самой ранней датой готовности к советскому наступлению назначалось 12 ноября. Однако уже 21 ноября подготовка Манштейна была прервана с внезапным и катастрофичным для немцев началом операции «Уран», за которым последовало использование управления 11-й армии в качестве штаба группы армий «Дон»[28].

В свою очередь, переброска войск между группами армий «Север» и «Центр» была замечена советской разведкой. Так, 5 ноября командующий КалФ генерал-лейтенант М. А. Пуркаев докладывал в Ставку ВГК: *«В районе Холм отмечено прибытие новых танков — очевидно, доукомплек-*

товывается 8-я танковая дивизия. В районе Бежаницы отмечено наличие автомашин с опознавательными знаками 25-й моторизованной дивизии. В районе Новосокольники, Великие Луки отмечается наличие новых частей: 12-й танковой, 3-й горнострелковой и 269-й пехотной дивизий. 83-я пехотная дивизия, ранее занимавшая оборону на различных направлениях, стянута в район Великих Лук. В районе Невеля отмечено более пехотной дивизии и 40 танков. В районе Оленино отмечается работа радиостанций 14-й моторизованной дивизии, 2-й танковой дивизии и 46-го танкового корпуса. Авиаразведка 29 октября наблюдала в 12 км северо-восточнее Оленино до 30 танков и до полка пехоты. Неоднократно в районе Васильково отмечалась работа рации дивизии СС „Великая Германия", и по показаниям пленных ее прибытие ожидалось в район Белый...»[29]

Оценивая поступившие разведданные, командующий КалФ в том же донесении Ставке ВГК высказал вполне логичное предположение, что противник «*создает группировки для концентрического удара со стороны Холм, Великие Луки и Оленино. Его ближайшая цель может заключаться в том, чтобы выйти этими группировками в район Торопец, Андреаполь. Таким маневром противник может поставить в тяжелое положение основную группу войск фронта*». Можно заметить, что направление наступления противника и примерные районы концентрации его ударных группировок были угаданы верно.

Как известно, лучшая оборона заключается в наступлении, и Ставка ВГК потребовала от командующего КалФ провести в районе Великих Лук частную наступательную операцию. Для этого в 3-ю ударную армию генерал-лейтенанта К. Н. Галицкого передавались 5-й гв.ск генерал-майора А. П. Белобородова в составе трех дивизий, 21-я гв.сд и 2-й мк. По первоначальному замыслу «Марса» последние два соединения должны были войти в ударную группировку 43-й армии. В период с 10 по 24 ноября прибывавшие в 3-ю ударную армию войска сосредотачивались в районе Великих Лук. Первым 13 ноября прибыл 2-й мк генерал-майора И. П. Корчагина.

Дробление ударной группировки 43-й армии и лишение ее эшелона развития успеха исключало возможность использования этих сил для наступления на Смоленск, что привело к резкому уменьшению масштаба наступления КалФ. Участок прорыва 41-й армии сместился к Белому,

а 22-й армии — в долину реки Лучесы. Такие изменения не лучшим образом сказались на перспективах операции «Марс» в целом. В первоначальном плане «Марса» перехват шоссе Москва — Минск как главной магистрали группы армий «Центр» дублировался. В случае немецкого контрудара во фланг наступающей группировке 43-й армии задачу могла выполнить 41-я армия, и наоборот. Более того, при ударе противника по смежным флангам 41-й и 43-й армий его войска сами могли подвергнуться угрозе с флангов (Карта 1).

Обновленный план операции лишал 41-ю и 43-ю армии и дублирования, и взаимного прикрытия, что ожидаемо вызвало негативные последствия при его реализации. Угроза для противника, создаваемая наступлением 41-й армии из района Белого, становилась куда менее серьезной, чем удар на Ярцево. Смещение удара 22-й армии в труднопроходимую заболоченную пойму Лучесы с нацеливанием ее на трассу Белый — Оленино также выглядело не лучшим решением.

В какой-то степени задача 22-й армии эволюционировала от перехвата коммуникаций к операции на окружение. Находившаяся напротив центральной части Ржевского выступа 39-я армия генерал-майора А. И. Зыгина получила наступательную задачу в следующей формулировке: *«Прорвать оборону, разгромить его* [противника. — *Прим. авт.*] *206-ю пд и овладеть рубежом большака Молодой Туд, Урдом, Зайцево. В дальнейшем во взаимодействии с 22-й армией и ударной группой Западного фронта овладеть Оленино»*[30]. Однако по плану навстречу 39-й армии должна была выдвигаться только одна танковая или механизированная бригада 22-й армии, что не гарантировало плотного кольца окружения противника.

Еще одним участником операции «Марс» стала 30-я армия, получившая частную задачу овладеть северной частью Ржева. В первоначальной формулировке, отраженной в приказе от 24 октября, предполагалось овладеть городом, нанося главный удар в направлении его привокзальной части и центрального моста через Волгу[31]. В приказе от 18 ноября план поменялся — теперь предполагалось освобождать Ржев, *«охватывая его с обоих флангов»*[32]. В этом частном эпизоде просматривается идея овладения Ржевом в условиях сковывания резервов противника на основных направлениях.

Завершая повествование о ходе планирования операции «Марс», следует сделать несколько замечаний о влиянии на него одного из нововведений осени 1942 года. Речь идет о приказе наркома обороны № 306 от 8 октября «О совершенствовании тактики наступательного боя и о боевых порядках подразделений, частей и соединений», подписанном И. В. Сталиным. В нем, в частности, указывалось: *«При наступлении среднеукомплектованной дивизии (7000–8000 человек) в составе ударной группировки армии назначать полосу около 4 км и ни в коем случае не менее 3 км по фронту»*[33]. Дивизии предписывалось строить в один эшелон, в результате в полках в резерве оставалось не больше роты, а в дивизиях — до батальона. Это лишало командиров возможности наращивать силы в случае, если один из наступающих полков вырывался вперед.

Практически сразу, 9 октября, командующий ЗапФ генерал-полковник И. С. Конев распорядился: *«Приказ наркома обороны № 306 изучить со всем комсоставом до отделенного командира в пятидневный срок»*[34]. 24 октября командующий фронтом уже указывал на недостатки в изучении приказа № 306[35], а 27 октября его недовольство продублировал приказ военсовета ЗапФ[36]. Конев настойчиво внедрял новую тактику в войска, хотя практика показала, что приказ № 306 написан с нарушением основных принципов военного искусства своего времени, вследствие чего фактически перестал применяться уже в декабре 1942 года.

В послевоенный период в упомянутом закрытом учебнике А. И. Радзиевского приказ № 306 подвергся критике, а применительно к описанию операции «Марс» отмечались негативные последствия его применения: *«По пехоте плотности снизились в 2–3 раза, а отсутствие вторых эшелонов в полках и дивизиях исключало возможность наращивания усилий в ходе прорыва»*[37]. С теми же проблемами столкнулись командующие фронтов, проводивших операцию «Уран», но поскольку их основной удар пришелся по румынам, недостатки построения наступавших соединений сказались в меньшей степени.

Все перечисленные факторы в значительной степени дезорганизовали подготовку операции «Марс», и без того крайне непростую в реалиях осени 1942 года.

Историография операции «Марс» начала формироваться еще до окончания Великой Отечественной войны. На тот момент это было вызвано

необходимостью учитывать при планировании операций накопленный боевой опыт, в том числе отрицательный. Буквально через год после событий осени-зимы 1942 года в сборнике материалов вышла статья «Ввод в прорыв конно-механизированных групп», которая описывала ввод 6-го тк и 2-го гв.кк в бой в полосе 20-й армии[38].

Практически тогда же, в 1943 году, в Военной академии им. К. Е. Ворошилова было издано пособие «Ввод в прорыв механизированных и танковых соединений и действия их в глубине обороны противника», написанное доцентом кафедры бронетанковых войск генерал-майором А. И. Штромбергом. Как примеры неудачного применения крупных танковых соединений в этой работе вновь рассматривались действия 6-го тк и 2-го гв.кк, а также обстоятельства ввода в прорыв 1-го мк. В обоих случаях прямо говорилось, что они *«представляют пример неудачного использования корпуса при вводе его в прорыв для развития успеха»*[39].

Обе публикации военного времени имели дидактическую направленность: в них подчеркивалось невыполнение в ходе боевых действий на КалФ и ЗапФ приказа НКО СССР № 325 от 16 октября 1942 года «О боевом применении танковых и механизированных частей и соединений». Приказ требовал ввода корпусов в прорыв, а также давал рекомендации относительно подавления противотанковой обороны противника и противостояния его танкам — так, боев танков с танками приказывалось избегать[40].

По окончании войны изучение боевого опыта в СССР продолжилось, хотя и осуществлялось в закрытом формате, в работах под грифами «секретно» и даже «совершенно секретно». Мотивировалось это как политическими мотивами, — действительные масштабы былых потерь и неудач КА предпочитали не афишировать, — так и необходимостью скрыть реальные выводы из опыта сражений 1941–1945 гг. от потенциального нового противника. Упрочили эту тенденцию и непосредственные участники событий, которые, занимая высокие государственные посты, предпочли лишний раз не вспоминать о своих ошибках и просчетах и тем самым избежать возможных обвинений в некомпетентности. Это вполне относится как к мемуарам Г. К. Жукова, так и И. С. Конева.

Следствием подобной политики стало увеличение разрыва в объективности между закрытыми и открытыми работами и постепенный увод

в тень ряда операций даже в работах, огражденных от широкого круга читателей грифами секретности. Так, например, операция «Марс» вообще не упоминалась в вышедшем в 1956 году сборнике статей «Важнейшие операции Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.»[41], но точно так же ее обошли вниманием авторы секретного исследования «Операции советских вооруженных сил в ВОВ», изданного в 1958 году[42].

В закрытой работе «Стратегический очерк Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.», увидевшей свет в 1961 году, лишь говорилось, что войска ЗапФ и КалФ должны были *«начать наступление на великолукском и ржевско-сычевском направлениях с целью ликвидировать плацдармы и узлы сопротивления в районах Великие Луки, Ржев и Сычевка, а также сковать силы противника на центральном участке фронта и не допустить их переброску на юго-западное направление»*[43]. Именно здесь авторы создали концепцию сковывающих операций, которая в дальнейшем получила широкое распространение. Вместе с тем, в работе приводились статистические данные о распределении сил и пополнениях[44], противоречившие «теории сковывания».

Открытые отечественные работы того периода являлись размытой проекцией закрытых исследований, а поэтому ждать от них прорывов приходилось в еще меньшей степени. Так, «История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг.» в шести томах хрущевского периода вообще не содержала информации об операции «Марс»[45].

В западной историографии картина носила прямо противоположный характер. Прежде всего, свои успехи, даже частного характера, стремились показать в выгодном свете побежденные немецкие генералы и офицеры, а также их соотечественники. В ставшей со временем классической работе Курта фон Типпельскирха «История Второй мировой войны» утверждалось, что основные усилия в зимней кампании 1942–1943 гг. КА сосредотачивала *«между Ржевом и Великими Луками, где после летних боев немецкие войска имели очень непрочный фронт»*[46]. Относительно подробно излагались события в книге Вернера Хаупта, опирающегося преимущественно на истории соединений вермахта[47].

Тем не менее, и в немецких работах куда большее внимание уделялось событиям под Великими Луками — куда менее масштабным, но более драматичным для вермахта. Апофеозом же спекуляций на вычеркнутых

из советской историографии событиях стала работа бывшего командира 6-й пд генерал-майора Хорста Гроссмана «Ржев — краеугольный камень Восточного фронта», впервые изданная в 1962 году. Вся книга подводила читателя к пропагандистскому слогану, аналогичному впервые рожденному немецкой пропагандой после Первой мировой войны: *«Непобежденным покинул немецкий солдат ржевское поле сражения»*[48]. Именно этот тезис был помещен в заключение монографии.

В условиях идеологического противостояния холодной войны советская сторона была вынуждена так или иначе делать ответные ходы. В изданной в 1973–1982 гг. 12-томной «Истории Второй мировой войны 1939–1945 гг.» прозвучало не только само наименование «Марс», но и цели операции. Она позиционировалась следующим образом: «*Силами Калининского и Западного фронтов намечалось проведение операции с целью ликвидации ржевско-вяземского плацдарма*»[49]. Также при подведении итогов кампании признавалось, что действия фронтов *«не дали ощутимых результатов»*[50].

Особое место в историографии «Марса» занимают работы А. И. Радзиевского. С одной стороны, он не был непосредственным участником операции, но в ней участвовали его сослуживцы по 2-му гв.кк, в котором историк долгое время занимал должность начальника штаба. В 1969–1978 гг. он занимал должность начальника Военной академии им. М. В. Фрунзе и отвечал за подготовку советских командиров к противостоянию с НАТО. Разумеется, в этой подготовке использовались не только позитивные, но и негативные примеры, и изобилующая ошибочными решениями операция «Марс» стала их основным источником. В открытом издании 1979 года учебного пособия, посвященного опыту прорыва в Великой Отечественной войне, говорилось:

«Замысел операции „Марс“ состоял в том, чтобы восемью ударами Западного и четырьмя ударами Калининского фронтов раздробить оборону в районе Ржевского выступа и, уничтожив оборонявшие его силы, выйти в район Смоленска... В силу того, что в общей сложности создавалось 13 ударных группировок, большинство из них, за исключением зубцовской Западного фронта и оленинской Калининского фронта, оказались небольшого состава — три-четыре дивизии с механизированным или танковым корпусом. Множественность ударов, из которых более половины

были сковывающими, привела к распылению огневых средств. Плотности артиллерии в некоторых группировках хотя и достигали 70–85 и даже 100 орудий и минометов на 1 км участка прорыва, но половину из них составляли минометы, которые могли вести огонь только по первой позиции»[51].

В закрытом учебном пособии за авторством того же А. И. Радзиевского, вышедшем в 1977 году, критиковалась низкая плотность войск в ударных группировках (см. выше замечания к приказу НКО № 306) с общим выводом: *«Фронты использовали свои возможности на 50 %»*[52]. Также критиковался выбор направлений ударов в окончательном варианте плана операции: *«Большинство их было избрано на направлениях, которые дискредитировали себя в предыдущих наступательных операциях, где противника имел сильную тактическую оборону и крупные оперативные резервы»*[53]. Также автор констатировал, что приготовления к операции были вскрыты разведкой противника.

Особняком в историографии операции «Марс» стоят мемуары советского периода. С одной стороны, они являлись продолжением публичной, открытой историографии, т. к. издавались большими тиражами и проходили жесткую цензуру. Поэтому было бы странно, если бы мемуаристы прямо противоречили открытым исследованиям. В первом издании мемуаров Г. К. Жукова в предыстории «Марса» излагались такие цели: *«Срочно подготовить и провести наступательную операцию в районе севернее Вязьмы и в первую очередь разгромить немцев в районе ржевского выступа»*[54]. Как было показано выше, планирование «Марса» и «Урана» шло практически синхронно. Далее маршал уделил несколько страниц «Урану», планирование которого шло практически синхронно с планированием «Марса», пропустил начало операции под Ржевом и сразу перешел к директиве Ставки от 8 декабря 1942 года[55]. Вместе с тем, в «Воспоминаниях и размышлениях» признавалось как окружение 1-го мк генерал-майора М. Д. Соломатина, так и общая неудача операции. В качестве одной из причин назывались условия местности.

Участники операции тактического звена — прежде всего, достигшие определенных карьерных высот — также вынуждены были так или иначе ее описывать. Достаточно типичный вариант описания «Марса» мы видим в мемуарах М. Е. Катукова, где указаны цели операции, но сами

действия его корпуса в повествовании затенены рассказами о мелких эпизодах. Вместе с тем, бывший командир 3-го мк критически высказался о событиях даже в рамках «теории сковывания»: *«Все же, думается, танковая группировка на калининском направлении была использована не в полную меру своих возможностей»*[56]. Бывший командир бригады в корпусе М. Е. Катукова, а в послевоенный период маршал бронетанковых войск А. Х. Бабаджанян рассказал о своем участии в «Марсе» более информативно, раскрыв драматичный эпизод с арестом за якобы невыполнение приказа[57].

Помимо цензуры, описание событий неизменно искажала общая для большей части мемуарной литературы особенность — вольное или невольное преувеличение роли событий, в которых участвовал автор воспоминаний. Так, маршал А. М. Василевский, как бывший представитель Ставки, отвечавший за операцию «Уран», в мемуарах утверждал следующее: *«Государственный Комитет Обороны и Ставка Верховного Главнокомандования решили считать подготовку и осуществление этого контрнаступления главнейшим мероприятием в стране до конца 1942 года»*[58]. Тем самым «Марс» отодвигался на второй план. Однако в полностью опубликованных на сегодняшний день постановлениях ГКО такой информации нет, как не выявлены и директивы Ставки, позиционирующие «Уран» как наиважнейшую операцию.

В целом можно констатировать, что в советский период, невзирая на неоднократно повторяющиеся утверждения о сковывающем характере «Марса» и крайне ограниченные объемы информации о самой операции, благодаря А. И. Радзиевскому и материалам по изучению опыта войны было сделано общее описание событий с обоснованными выводами о причинах неудачи операции, пусть и закрытое грифом «секретно».

Первым крупным постсоветским исследованием истории Великой Отечественной войны стал четырехтомник «Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки», вышедший в издательстве «Наука» в 1998 году. Информация об операции «Марс» в этой работе весьма противоречива: одной стороны, прямо указан амбициозный план *«разгрома 9-й и 3-й танковой армий противника в районе Ржева, Сычевки, Оленино»*[59]. С другой стороны, операция под Ржевом именуется «частной»[60].

Примерно тогда же внимание операциям «Марс» и «Бюффель» (нем. Büffel — «буйвол») по эвакуации Ржевского выступа уделила официальная немецкая историография в вышедшем в 2001 году коллективном многотомном труде «Германия и Вторая мировая война». В работе с отсылкой к советским исследованиям делалась оговорка, что операция под Ржевом носила отвлекающий характер[61], при этом сопоставимый объем информации уже традиционно для немецких работ уделялся боям под Великими Луками.

Поскольку неудача «Марса» в немалой степени являлась промахом разведки, бывший заместитель начальника 1-го (разведывательного) управления НКГБ СССР П. А. Судоплатов в своих мемуарах выдвинул версию о намеренной «сдаче» операции противнику. Звучала она следующим образом: *«Дезинформация порой имела стратегическое значение. Так, 4 ноября 1942 года „Гейне“-„Макс“ сообщил, что Красная Армия нанесет немцам удар 15 ноября не под Сталинградом, а на Северном Кавказе и под Ржевом. Немцы ждали удара под Ржевом и отразили его... Не подозревавший об этой радиоигре Жуков заплатил дорогую цену — в наступлении под Ржевом полегли тысячи и тысячи наших солдат, находившихся под его командованием»*[62].

Как это часто бывало, мемуарист рассчитывал на недоступность первичных документов, хранящихся в советских архивах, и, как следствие, на невозможность проверить его слова. Однако позднейшие исследования показали, что отождествление «Макса» с советским агентом А. П. Демьяновым ошибочно. Немецкий историк Винфрид Мейер установил, что «Максом» являлся бывший белогвардеец Л. Ф. Ира, проживавший в Болгарии[63]. Внедренный к немцам в рамках операции «Монастырь» А. П. Демьянов, как показывает сопоставление его известных донесений с документами группы армий «Центр», имел псевдоним «Фламинго». Попытки же П. А. Судоплатова постфактум повысить статус «Монастыря» и представить промахи разведки неким планом могут быть классифицированы как недостоверная информация, часто встречающаяся в источниках личного происхождения.

На этом фоне настоящим прорывом в исследовании событий под Ржевом в ноябре–декабре 1942 года, пусть и весьма неоднозначным, стала книга знаменитого американского историка Дэвида Гланца «Крупнейшее

поражение Жукова. Эпическая катастрофа Красной Армии в операции „Марс“, 1942 год», изданная в 1999 году[64]. В ней впервые широко использовались ставшие доступными после открытия архивов для независимых исследователей советские оперативные документы. Главным же недостатком работы стала опора при описании боевых действий немецких войск на истории немецких соединений и частей, а не на их оперативные документы. Несмотря на крикливое название, явно рассчитанное на увеличение продаж, Гланц утверждал: *«По стратегическим масштабам и целям операцию „Марс“ можно, по меньшей мере, приравнять к операции „Уран“»*[65]. Тем не менее, в отличие от Хорста Гроссмана, американский историк все же не позиционировал «Марс» как «краеугольный камень».

Прорывной характер работы Дэвида Гланца не следует недооценивать. Даже после ее появления публиковались работы, в которых сражения под Ржевом практически не упоминались и в целом описывались в русле советской историографии. Так, американец Роберт Ситино в исследовании «Смерть вермахта», посвященном событиям 1942 года, упоминает Ржев буквально один раз, причем вне контекста операции «Марс»[66]. Напротив, признанный, хотя и критикуемый за ряд неоднозначных выводов шведский историк Никлас Цеттерлинг в описании боевых действий на советско-германском фронте довольно много уделяет внимание событиям под Ржевом, в том числе операции «Марс», восприняв тезисы Гланца[67].

В России работа Дэвида Гланца предопределила два направления отечественной историографии. Теперь некоторые исследователи стремились свести роль «Марса» к сковывающей относительно «Урана» операции, повторяя и усиливая сформировавшиеся после войны тезисы. С другой стороны, значение операций в районе Ржева стало возвеличиваться. Логическим продолжением второго направления стало формирование идеи о существовании «Ржевской битвы», частью которой выступала операция «Марс». Наиболее значимой в формировании этого нарратива стала диссертационная работа С. А. Герасимовой «Военные действия в районе Ржевско-Вяземского выступа в январе 1942 — марте 1943 гг.: Ржевская битва»[68].

Согласно принятой в отечественной историографии терминологии, применительно ко Второй мировой и Великой Отечественной войнам

понятие «битва» означает совокупность одновременных и последовательных наступательных и оборонительных операций стратегических и оперативных масштабов на важнейших направлениях для достижения решающих политических и военно-стратегических целей на определенном этапе войны. Такое определение малоприменимо к событиям под Ржевом, прежде всего ввиду уже сложившегося включения вооруженной борьбы в районе Ржева в январе–апреле 1942 года в Московскую битву. Дробление последней нецелесообразно и научно не обоснованно, на что справедливо указывал генерал армии М. А. Гареев[69]. Вычленение событий января–апреля 1942 года из Московской битвы породило еще одну искусственную конструкцию — «Вяземскую битву»[70].

В данном случае мы не можем согласиться с радикальным изменением сложившегося перечня битв и операций Великой Отечественной войны. С историографической точки зрения скорее целесообразно расширить Московскую битву за счет операций на западном направлении, включая «Марс» и преследование противника, отходящего по плану «Бюффель» в марте 1943 года. Соответственно, завершение Московской битвы надо перенести с апреля 1942 на апрель 1943 года. Такое решение представляется более логичным, чем искусственное формирование «Ржевской битвы».

На другом полюсе в отечественной историографии находится традиционная точка зрения о вспомогательном, сковывающем характере операции «Марс». В наиболее развернутом виде аргументация сторонников этой теории изложена в статье М. А. Гареева «Операция „Марс“ и современные „марсиане“», опубликованной в 2003 году. Документальные свидетельства «сковывания» в ней не приводятся, а аргументация основывалась на высказывании из мемуаров А. М. Василевского. Тот факт, что операция на тот момент была наиболее полно исследована в зарубежной историографии, подавался как дополнительный повод для негативной оценки ее значения. Также присутствовала отсылка к мемуарам П. А. Судоплатова с тезисом о сознательно сданной противнику операции.

Наряду с этой достаточно беспомощной аргументацией в статье М. А. Гареева содержались и заслуживающие внимания тезисы. В частности, утверждалось: *«Если внимательно вглядеться в схему операции «Марс», то нетрудно заметить, что удары наносились на широком*

фронте, на ряде разобщенных направлений, с целью максимально сковать все основные группировки войск группы армий „Центр“»[71]. Однако это утверждение представляется недостаточно обоснованным, о чем уже говорилось выше.

Выступая на заседании Ассоциации историков Второй мировой войны в 2004 году, М. А. Гареев, повторяя абсурдные утверждения П. А. Судоплатова, критиковал *«миф о том, что операция „Марс“ — это самостоятельная стратегическая операция, которая проводилась с целью разгрома центральной немецкой группы армий»*[72]. При этом генерал признавал, что в операции «Марс» было задействовано больше войск, чем в операции «Уран».

На этом фоне более взвешенной оказалась статья генерал-майора в отставке В. В. Гуркина. Хотя он занизил численность задействованных в операции «Марс» советских войск, но одновременно признал вскрытие противником планов советского командования в части направлений ударов и даты перехода в наступление, упомянул серьезные ошибки в ходе планирования и проведения операции, а также то, что разгром противника в Ржевском выступе являлся основной целью «Марса»[73].

В новейшей 12-томной истории Великой Отечественной войны, изданной в 2012 году, тенденция сохранилась. Операция «Марс» вкратце описана, но при этом утверждается: *«Чтобы обмануть неприятеля, оно* [советское командование. — *Прим. авт.*] *приказало подготовить и провести специальную отвлекающую операцию, получившую название „Марс“»*[74]. Аргументировалось это, как и утверждение о невозможности проведения двух крупных операций одновременно, недостатком ресурсов — прежде всего, боеприпасов. При этом конкретные данные о наличии боеприпасов в войсках ЗапФ и КалФ в ноябре 1942 года не приводились.

Подобные доводы выглядят не очень убедительно, поскольку сохранились, к примеру, документы о наличии боеприпасов в 31-й армии на 22 октября, т. е. еще за месяц до «Марса». Согласно им, в артиллерийских частях армии имелось 1,7 боекомплекта наиболее дефицитных 122-мм пушечных, 4,4 боекомплекта 152-мм гаубичных и 3,6 боекомплекта 152-мм пушечно-гаубичных выстрелов[75]. В войсках 39-й армии к 24 ноября было накоплено 3,1 боекомплекта для 122-мм гаубиц, 4,2 боекомплекта для 152-мм гаубиц и 3,6 боекомплекта для 152-мм гаубиц-пушек[76]. Эти по-

казатели находятся на уровне многих успешных наступательных операций Великой Отечественной войны.

В заключение стоит отметить, что боевые действия в районе Белого в рамках операции «Марс» нашли свое отражение в художественной литературе и кинематографе. В 1970 году увидела свет повесть В. Е. Баскакова «Кружок на карте», которая без указания реальных топонимов, имен и номеров частей и соединений описывала действия 1-го мк в ноябре–декабре 1942 года. Акцент в книге делался на том, что эти бои носили исключительно отвлекающий характер с целью не позволить врагу перебросить свои танковые резервы под Сталинград, и с этой задачей корпус справился. В 1980 году режиссер Д. А. Вятич-Бережных снял по книге художественный фильм «Корпус генерала Шубникова», который в общем и целом следовал сюжету повести. Ни книга, ни фильм не вошли в число наиболее известных произведений о войне советской эпохи, однако на несколько десятилетий они стали единственными художественными памятниками бойцам и командирам, в ноябре–декабре 1942 года шагнувшим в горнило операции «Марс».

---

1. ЦАМО РФ, Ф. 221, Оп. 1351, Д. 1121, Л. 24. Боевые документы штаба СЗФ (Боевые приказы, распоряжения, планы операций).
2. Великая Отечественная война 1941–1945 гг.: Военно-исторические очерки. В 4 книгах. Книга 2: Перелом. / Под ред. Н.М. Раманичева и др. — М.: «Наука», 1998. — С. 38.
3. «Совершенно секретно! Только для командования». Стратегия фашистской Германии в войне против СССР: Документы и материалы / Сост. В.И. Дашичев. — М.: «Наука», 1967. — С. 390.
4. Там же. — С. 391.
5. Там же. — С. 431.
6. Там же.
7. Радзиевский А. И. Развитие теории и практики прорыва (по опыту Великой Отечественной войны). Учебное пособие. Часть I. — М.: Военная академия имени М.В. Фрунзе, 1977. — С. 216.
8. Михалев С. Н. Военная стратегия: Подготовка и ведение войн Нового и Новейшего времени. — М.: Кучково поле, 2003. — С. 367.
9. Радзиевский А.И. Развитие теории и практики прорыва (по опыту Великой Отечественной войны). Учебное пособие. Часть I. — М.: Военная академия имени М.В. Фрунзе, 1977. — С. 216.
10. Там же. — С. 221.
11. ЦАМО РФ, Ф. 7, Оп. 30, Д. 394, Л. 56. Дело особой важности.
12. Там же. — Л. 2.
13. Стратегический очерк Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. / Отв. ред. С.П. Платонов. — М.: Воениздат, 1961. — С. 458.

14. Операции советских вооруженных сил в Великой Отечественной войне 1941–1945. Военно-исторический очерк. Том II: Операции советских Вооруженных Сил в период коренного перелома в ходе Великой Отечественной войны (19 ноября 1942 – декабрь 1943 гг.). — М.: Воениздат, 1958. — С. 9–10.
15. ЦАМО РФ, Ф. 386, Оп. 8583, Д. 144, Л. 1. Сычевско-Ржевская операция. Оперативный отдел штаба 31 армии Зап. фронта.
16. Там же.
17. ЦАМО РФ, Ф. 388, Оп. 8712, Д. 169, Л. 355–356. Соображения по организации разгрома Вязьма-Гжатской группировки противника 33 А.
18. Там же. — Л. 354.
19. ЦАМО РФ, Ф. 213, Оп. 2002, Д. 135, Л. 1. Карта решений командующего 41-й армией. 15 октября 1942 г.
20. ЦАМО РФ, Ф. 213, Оп. 2002, Д. 140, Л. 1. Карта решений командующего 43-й армией. 18 октября 1942 г.
21. ЦАМО РФ, Ф. 213, Оп. 2002, Д. 128. Карта решения командующего 22-й армией от 14 октября 1942 года.
22. ЦАМО РФ, Ф. 386, Оп. 8583, Д. 144, Л. 2. Сычевско-Ржевская операция. Оперативный отдел штаба 31 армии Зап. фронта.
23. ЦАМО РФ, Ф. 208, Оп. 2511, Д. 1483, Л. 1. Карта — примерный план Ржевско-Вяземской операции 6 ноября 1942 г.
24. Там же. — С. 103, 110, 117.
25. Типпельскирх, Курт. История Второй мировой войны. — СПб.: Полигон; М.: АСТ, 1999. — С. 366.
26. Манштейн, Эрих. Утерянные победы. — М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 1999. — С. 304.
27. Цит. по Franz Kurowski. Deadlock Before Moscow: Army Group Center 1942–1943. — Schiffer Military History, 1997. — P. 146.
28. Манштейн, Эрих. Утерянные победы. — М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 1999. — С. 333.
29. Галицкий К. Н. Годы суровых испытаний. 1941–1944: Записки командарма. — М.: Наука, 1973. — С. 166.
30. ЦАМО РФ, Ф. 213, Оп. 2002, Д. 869, Л. 6. Описание наступательной операции 39 Армии в период с 25.11 по 10.12.42 г.
31. ЦАМО РФ, Ф. 354, Оп. 5818, Д. 6, Л. 49. Частный боевой приказ №100 штаба 30 А.
32. ЦАМО РФ, Ф. 1490, Оп. 1, Д. 13, Л. 169. Частный боевой приказ штаба 30 А.
33. Русский архив: Великая Отечественная. Том 13(2-2): Приказы народного комиссара обороны СССР, 22 июня 1941 – 1942 гг. / Ин-т воен. истории МО РФ, РГВА. — М.: ТЕРРА, 1997. — С. 324.
34. ЦАМО РФ, Ф. 208, Оп. 2511, Д. 1270, Л. 361. Приказ Военного Совета Западного фронта №0186 от 9.10.1942 г.
35. ЦАМО РФ, Ф. 208, Оп. 2511, Д. 1355, Л. 51. Приказ Начальника штаба Западного фронта генерал-полковника В. Д. Соколовского от 24.10.1942 г.
36. ЦАМО РФ, Ф. 208, Оп. 2511, Д. 1377, Л. 377. Приказ войскам Западного фронта №021 от 27 октября 1942 г.
37. Радзиевский А. И. Развитие теории и практики прорыва (по опыту Великой Отечественной войны). Учебное пособие. Часть I. – М.: Военная академия имени М. В. Фрунзе, 1977. — С. 221.
38. Ввод в прорыв конно-механизированных групп / Сборник материалов по изучению опыта войны. Выпуск 9: ноябрь-декабрь 1943 года. — М.: Воениздат, 1944. — С. 135–139.
39. Штромберг А. И. Ввод в прорыв механизированных и танковых соединений и действия их в глубине обороны противника. — М.: Военная академия им. К. Е. Ворошилова, 1943.

40. Русский архив: Великая Отечественная. Том 13(2-2): Приказы народного комиссара обороны СССР, 22 июня 1941 – 1942 гг. / Ин-т воен. истории МО РФ, РГВА. — М.: ТЕРРА, 1997. — С. 334.
41. Важнейшие операции Великой Отечественной войны: Сборник статей / Под общ. ред. П. А. Жилина. — М.: Воениздат, 1956.
42. Операции советских вооруженных сил в Великой Отечественной войне 1941–1945. Военно-исторический очерк. Том II: Операции советских Вооруженных Сил в период коренного перелома в ходе Великой Отечественной войны (19 ноября 1942 – декабрь 1943 гг.). — М.: Воениздат, 1958.
43. Стратегический очерк Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. / Отв. ред. С.П. Платонов. — М.: Воениздат, 1961. — С. 456.
44. Там же. — С. 458.
45. История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941–1945. В 6 томах. Том 3: Коренной перелом в ходе Великой Отечественной войны / Ред. П. Н. Поспелов и др. — М.: Воениздат, 1961.
46. Типпельскирх, Курт. История Второй мировой войны. — СПб.: Полигон; М.: АСТ, 1999. — С. 366.
47. Хаупт, Вернер. Сражения группы армий «Центр». Взгляд офицера вермахта. — М.: Яуза, Эксмо, 2006. — С. 202.
48. Гроссман, Хорст. Ржев – краеугольный камень Восточного фронта. — Ржев: Ржевская правда, 1996. — С. 154.
49. История Второй мировой войны 1939–1945 гг. В 12 томах. Том 6: Коренной перелом в войне / Под ред. А. А. Гречко и др. — М.: Воениздат, 1976. — С. 29.
50. Там же. — С. 91.
51. Радзиевский А. И. Прорыв. — М.: Воениздат, 1979. — С. 49–50.
52. Радзиевский А. И. Развитие теории и практики прорыва (по опыту Великой Отечественной войны). Учебное пособие. Часть I. — М.: Военная академия им. М. В. Фрунзе, 1977. — С. 222.
53. Там же.
54. Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. – М.: Агентство печати «Новости», 1969. — С. 428.
55. Там же. — С. 435.
56. Катуков М. Е. На острие главного удара. — М.: Воениздат, 1974. — С. 182.
57. Бабаджанян А. Х. Дороги победы. — М.: Молодая гвардия, 1975. — С. 77.
58. Василевский А. М. Дело всей жизни. — М.: Политиздат, 1978. — С. 222.
59. Великая Отечественная война 1941–1945 гг.: Военно-исторические очерки. В 4 книгах. Книга 2: Перелом. / Под ред. Н.М. Раманичева и др. — М.: «Наука», 1998. — С. 38.
60. Там же. — С. 37.
61. Germany and the Second World War. Vol. VI. The Global War. — Oxford University Press, 2001. — P. 1193.
62. Судоплатов П. А. Спецоперации. Лубянка и Кремль 1930–1950 годы. — М.: ОЛМА-ПРЕСС, 1997. — С. 248.
63. Петров И. Самая крупная шпионская афера Второй мировой войны? «Донесения Макса» и их контекст // Спецслужбы Третьего рейха. Неизвестные страницы (Сост. А. Колпакиди). М.: Вече, 2018. С. 437 и далее.
64. David M. Glantz. Zhukov's Greatest Defeat: The Red Army's Epic Disaster in Operation Mars, 1942. — University Press of Kansas, 1999.
65. Гланц, Дэвид. Крупнейшее поражение Жукова. Катастрофа Красной Армии в операции «Марс» 1942 года. — М.: АСТ: Астрель, 2006. — С. 29.

66. Robert M. Citino. Death of the Wehrmacht: The German Campaigns of 1942. — University Press of Kansas, 2007. — P. 85.
67. Niklas Zetterling. Hitler mot Stalin: Kampen på östfronten 1941–1945. — Prisma, 2009. — S. 173, 179.
68. Герасимова С. А. Военные действия в районе ржевско-вяземского выступа в январе 1942 – марте 1943 гг.: Ржевская битва: диссертация ... кандидата исторических наук: 07.00.02. — Тверь, 2002.
69. Великая Победа. В 15 томах. Том 4: Другое лицо войны / Под общ. ред. С. Е. Нарышкина, А. В. Торкунова. — М.: МГИМО-Университет, 2015. — С. 9–10.
70. Там же. — С. 10.
71. Гареев М. А. Операция «Марс» и современные «марсиане»: к 60-летию окончания сражений на ржевско-вяземской земле // Военно-исторический журнал. — 2003. — № 10. — С. 19.
72. Великая Победа. В 15 томах. Том 4: Другое лицо войны / Под общ. ред. С. Е. Нарышкина, А. В. Торкунова. — М.: МГИМО-Университет, 2015. — С. 10.
73. Гуркин В. В. «Марс» в орбите «Урана» и «Сатурна» // Военно-исторический журнал. — 2000. — № 4. — С. 17.
74. Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12 томах. Том 3: Битвы и сражения, изменившие ход войны. — М.: Кучково поле, 2012. — С. 393.
75. ЦАМО РФ, Ф. 208, Оп. 2540, Д. 12, Л. 176. Оперативные документы артиллерийского наступления Западного фронта.
76. ЦАМО РФ, Ф. 213, Оп. 2002, Д. 869, Л. 49. Описание наступательной операции 39 Армии в период с 25.11 по 10.12.42 г.

ГЛАВА 2
ТЕСНЫЙ ПЛАЦДАРМ. НАСТУПЛЕНИЕ ЗАПАДНОГО ФРОНТА

2.1. Логистика в огненном вихре. Попытки расширения плацдарма на Вазузе и проблемы его использования силами 20-й армии

В предстоявшей операции 20-й армии генерал-майора Н. И. Кирюхина ставилась одна из наиболее важных задач, которую штаб фронта сформулировал в приказе от 23 ноября 1942 года:

«20-я армия с участка Васельки — Печора прорывает оборону противника и, развивая удар 8-го гв.ск с подвижной группой на Сычевку, к исходу первого дня наступления выходит на рубеж железной дороги и овладевает городом Сычевка. В дальнейшем, прикрывшись прочно по реке Вазуза на участке Подсосенье — Сычевка — Маринино и с запада и юго-запада на участке Вязово — Курятино — Подсосенье, главными силами наступает в северо-западном направлении через Карпово, Осуйское, Афонасово и во взаимодействии с 31-й армией уничтожает ржевскую группировку противника»[1] (Карта 2).

Решение столь масштабной и весьма амбициозной задачи подразумевало существенное расширение имевшегося в распоряжении советских войск небольшого плацдарма на Вазузе.

Наступательные планы подразумевали детальную конкретизацию на уровне частей и соединений, входивших в состав 20-й армии. Снача-

ла в бой вступали стрелковые дивизии первого эшелона. В соответствии с процитированным выше приказом штаба армии, 326-й сд полковника Г. П. Карамышева при поддержке 93-й тбр подполковника С. К. Доропея предписывалось атаковать вражеские позиции на линии Васельки — кустарник севернее Холм-Березуйского, далее наступать вдоль южного берега реки Осуги с целью уничтожения противника в районе Пашки — Ведерниково — лес севернее Ведерникова. Уже к исходу первого дня наступления дивизия должна была овладеть рубежом Ложки — совхоз Никишкино за линией железной дороги Ржев — Сычевка.

Соединение имело в своем боевом составе 1178 активных штыков (стрелков в ротах и батальонах) и 2150 человек в спецподразделениях, артиллерия дивизии насчитывала 10 76-мм полковых и 13 76-мм дивизионных пушек, а также пять 122-мм гаубиц. Дополнительную артиллерийскую поддержку действий 326-й сд обеспечивали 510-й гап (18 152-мм гаубиц), 511-й гап (20 122-мм гаубиц), 169-й минп (30 120-мм минометов), 35-й ап 1-й гв.мсд (14 76-мм пушек и восемь 122-мм гаубиц) и 11-й огмд (восемь установок)[2] (далее боевой и численный состав упоминаемых в тексте частей и соединений приведен в Таблице 1).

Южнее, на участке Холм-Березуйский — северо-западная половина Гредякина планировалось наступление 251-й сд полковника Б. Б. Городовикова при поддержке 80-й тбр полковника П. П. Задорожного, насчитывавшей на 24 ноября 38 танков (18 Т-34, три Т-70 и 17 Т-60)[3] и 232 человека в составе мспб, в том числе 76 стрелков в мотострелковой роте и 56 — в роте автоматчиков[4]. Задачей дивизии являлось уничтожение противника в районе Большое Кропотово — Холм-Рогачевский — высота 197.7 с последующим выходом на линию совхоз Никишкино — Белохвостово. В помощь соединению штаб 20-й армии выделил 16-й гв.гап (28 122-мм гаубиц), 360-й гап (16 152-мм гаубиц)[5], 57-й ап и 15-й огмд.

В свою очередь, 42-я гв.сд генерал-майора Ф. А. Боброва вместе с танками 255-й тбр подполковника И. Ф. Иванова получила приказание атаковать в направлении юго-восточная половина Гредякина — Боблево — Никоново — Подосиновка и во взаимодействии с соседями уничтожить противника в районе Никоново — Подосиновка — Крюково, выйдя к исходу дня к южным скатам высоты 206.7 за линией железной дороги. Ар-

Таблица 1

Боевой и численный состав стрелковых и танковых частей 20-й армии по состоянию на 25.11.1942*

Соединение/часть	Людей	Лошадей	Винтовок	Станковых пулеметов	Зенитных пулеметов	Ручных пулеметов	ППШ и ППД	Минометов	Орудий полевых	Орудий ПТО и зенитных	ПТР	Автомашин	Танков
Стрелковые части													
Управление и учреждения 8-го гв.ск	2251	584	1380	6	-	16	34	16	-	-	8	131	-
26-я гв.сд	9120	829	5116	69	18	242	730	209	32	30	242	197	-
148-я сбр	4580	657	2901	31	3	69	408	104	18	11	87	84	-
150-я сбр	4690	492	2732	22	3	97	367	88	16	12	126	32	-
1-я гв.мсд	7437	93	5270	52	7	155	1430	123	32	40	98	663	5
42-я гв.сд	7088	618	3567	32	2	101	802	127	25	23	113	125	-
247-я сд	6866	827	4368	23	4	104	808	117	36	23	86	121	-
251-я сд	7117	874	4925	44	3	162	541	146	34	30	93	92	-
326-я сд	6892	1119	4458	47	2	160	404	171	28	19	180	55	-
331-я сд	6947	1146	4465	30	6	100	760	152	32	18	114	117	-
48-я лыжбр	2706	393	1701	21	3	62	702	78	-	12	54	33	-
Всего	65696	7632	40883	377	51	1268	6986	1331	253	218	1201	1650	5
Танковые части													
11-я тбр	804	-	520	3	-	20	123	6	4	-	6	75	29
18-я тбр	797	7	505	4	-	20	120	6	-	1	6	91	39
25-я тбр	858	4	463	5	1	22	143	6	3	5	6	78	54
31-я тбр	819	-	492	4	2	22	143	6	4	2	6	103	41
80-я тбр	847	-	459	4	-	9	113	6	4	-	-	87	38
93-я тбр	786	-	280	1	2	6	119	6	4	-	7	104	37
240-я тбр	648	-	364	2	-	3	84	4	4	-	2	93	31
255-я тбр	649	-	380	1	-	14	97	6	-	-	4	95	34
Всего	6208	11	3463	24	5	116	942	46	23	8	37	726	303

* ЦАМО РФ, Ф. 423, Оп. 6631, Д. 56, Л. 11–12. Боевой и численный состав 20-й армии, 25.11.1942.

тиллерийскую поддержку гвардейцев обеспечивали 173-й гап (22 122-мм гаубицы), 570-й пап (12 152-мм орудий)[6] и 12-й огмд.

Следует отметить, что южнее Гредякина советские войска не имели ни клочка земли на западном берегу Вазузы, поэтому остальным стрелковым соединениям 20-й армии предстояло непосредственно перед переходом в наступление на вражеские позиции форсировать частично замерзшую реку. Приказ содержал указание частям 247-й сд генерал-майора Г. Д. Мухина совместно с 240-й тбр подполковника И. Д. Ивлиева, 1179-м иптап и ротой саперов 302-го инжб форсировать Вазузу и атаковать противника на участке Кобылино — северо-восточнее Прудов, нанося главный удар через Зеваловку на Жеребцово. К исходу дня дивизия во взаимодействии с частями 8-го гв.ск должна была ни много ни мало освободить Сычевку, перейдя после этого к обороне. Поддержку в решении всех указанных задач осуществляли 296-й гап (18 122-мм гаубиц), 364-й гап (22 152-мм гаубицы)[7], 56-й кап и 5-й огмд.

8-й гв.ск генерал-майора Ф. Д. Захарова являлся эшелоном развития успеха. Корпусу, включавшему в себя 26-ю гв.сд, 148-ю и 150-ю сбр, вместе с 18-й, 25-й и 31-й тбр, а также с 3-м гв.иптап приказывалось *«после взлома переднего края обороны противника»* и выхода частей первого эшелона на рубеж Холм-Березуйский — Гредякино — Боблево — Кузнечиха развернуться на участке Гредякино — Зеваловка и развивать удар в направлении Боблево — Подосиновка — Бородино — Сычевка. Освободив последнюю, корпус во взаимодействии с 247-й сд к исходу первого дня операции должен был передать ей оборону Сычевки и обеспечивать отражение потенциальных контрударов противника с южного и юго-западного направлений.

В своем приказе от 22 ноября 1942 года комкор Ф. Д. Захаров отводил главную роль на начальном этапе наступления подвижной группе заместителя командира корпуса полковника Н. А. Кропотина в составе трех танковых бригад, 75-го гв.сп 26-й гв.сд, 3-го гв.иптап, батареи 45-мм ПТО 25-го гв.иптд и 142-го бинжз. Вслед за этим бронированным тараном выдвигались основные части 26-й гв.сд полковника (с 27.11.1942 — генерал-майора) Н. Н. Корженевского, при этом еще одно стрелковое соединение, входившее в состав 8-го гв.ск — 150-я сбр полковника И. М. Подберезина — находилось в резерве в готовности развивать успех[8].

Корпус представлял собой внушительную силу. Он насчитывал 21 959 человек, из них 5428 стрелков, 4386 автоматчиков, пулеметчиков и минометчиков в стрелковых подразделениях, 5220 человек в спецподразделениях и 6925 человек обслуживающего персонала. В распоряжении соединения находились 2692 лошади, на вооружении состояли 14 446 винтовок, 1613 пистолетов-пулеметов, 146 станковых и зенитных пулеметов, 423 ручных пулемета, 313 50-мм и 82-мм минометов, 61 120-мм миномет, 50 противотанковых и зенитных орудий, 78 76-мм пушек, 20 122-мм гаубиц и 551 ПТР[9].

Приданные танковые части также вполне могли внушить оптимизм корпусному штабу. Например, 25-я тбр подполковника Н. К. Володина к началу наступления располагала 34 КВ, 20 Т-60 и тремя 76-мм пушками[10], в боевом составе соседней 18-й тбр подполковника В. Ф. Котова числились 19 Т-34 и 20 Т-60 (еще один Т-34 и один КВ в ремонте)[11], в 31-й тбр подполковника В. Ф. Орлова имелось 23 Т-34, семь Т-70 и 12 Т-60[12]. Таким образом, действия 8-го гв.ск поддерживали 135 танков. Кроме того, корпус был усилен артиллерией — 998-м ап (18 152-мм орудий)[13] и переподчиняемыми после выхода на рубеж развертывания 56-м кап и 57-м ап, а также 5-м и 15-м огмд.

Незадолго до начала операции самостоятельную задачу получила 148-я сбр подполковника М. И. Герусова, выделенная из состава 8-го гв.ск и фактически переведенная в первый эшелон. Перейдя Вазузу на отрезке Пруды — Хлепень, она вместе с 11-й тбр наносила удар в направлении Пруды — Холм — Юровка, затем, достигнув Городни, была обязана продвинуться строго на юг по линии Сидорово — Басурманово — Ламоново и занять оборону по берегу Вазузы, обеспечивая прикрытие действий 20-й армии с юга.

По состоянию на 20 ноября 1942 года 148-я сбр насчитывала 2007 стрелков и 590 автоматчиков, пулеметчиков и минометчиков в четырех стрелковых батальонах, а также 826 человек в спецподразделениях (расчеты минометов, ПТР, саперы, разведчики и т. д.)[14]. Приданная стрелкам 11-я тбр полковника М. М. Балыкова располагала 26 боеготовыми танками (шесть КВ, четыре Т-34 и 16 Т-60), в составе мспб находились 31 человек в стрелковой роте и 28 человек в минометной роте[15]. В качестве артиллерии усиления 148-й сбр придавались 15-й гв.ап (24 152-мм гаубицы)[16] и 17-й огмд.